Сказки на долгую ночь

КРИСТИАН КОВАЛЬ

Кристиан Коваль

Сказки на долгую ночь

«Автор»
2026

Коваль К.

Сказки на долгую ночь / К. Коваль — «Автор», 2026

Пять дорог: к мечте, к ладу, к празднику, к песне и к тому, кто несёт подарок. Бабушка Марфа рассказывает их в одну долгую ночь — для тех, кто верит, что чудо живёт в сердце каждого.

© Коваль К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Содержание 6
Предисловие 7
Лунный остров 8
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Кристиан Коваль
Сказки на долгую ночь

сборник в пяти историях
Лунный остров
Звёздная гладь
Новогоднее волшебство
Сад забытых песен
Зимняя дорога

Пять дорог: к мечте, к ладу, к празднику, к песне и к тому, кто несёт подарок. Бабушка Марфа рассказывает их в одну долгую ночь — для тех, кто верит, что чудо живёт в сердце каждого.

Содержание

1. Лунный остров
2. Звёздная гладь
3. Новогоднее волшебство
4. Сад забытых песен
5. Зимняя дорога

Предисловие

Меня зовут Марфа. В нашей деревне меня называют знахаркой, но по правде я просто старуха, которая много повидала и не разучилась рассказывать.

Внучек мой Ваня не любит засыпать сразу. Сначала он слушает — а потом обязательно спрашивает: «Бабушка, а это было по-настоящему?» Отвечу так, как отвечаю ему.

Одна история — про то, что мечта требует дела: её не получают, её выращивают. Другая — про то, что сила исчезает там, где появляется желание владеть. Третья — про то, что волшебство прячется не в фонариках и не в колокольчиках, а в людях, которые умеют замечать. Четвёртая — про то, что песня живёт, только пока её поют другим. Пятая — про то, что дорога открывается тому, кто несёт подарок.

Сказки не заканчиваются, пока их рассказывают. Прочтёте — расскажите кому-нибудь. И тогда завтра настанет новая история.

— Марфа

Лунный остров

Далеко-далеко, за семью морями и дремучими лесами, где берёзы шепчутся с ветром, а в глубоких озёрах сияют отражения звёзд, скрывается место, ведомое лишь избранным. Это — Лунный остров. Он недоступен взорам простых людей: возникает лишь в ночь полнолуния, когда серебряная луна высоко поднята в небесах и её холодный свет касается водной глади.

У самого края лесной чащи стояла небольшая деревушка, а в ней жил мальчик по имени Ваня. Он был известен всем как мечтатель: подолгу всматривался в высоту, будто искал там ответы, и гадал, куда уходит луна, когда наступает день, и что скрывается за пеленою облаков. Местные старики, нахмурив седину, твердили ему: «Не трать время на пустые грёзы, Ваня. Лучше руби дрова да помогай по хозяйству». Однако сердце Вани упорно тянулось к чему-то неведомому и волшебному.

Однажды старушка Марфа…

В этот момент мальчик вскочил на кровати со словами: — Бабушка, в этой истории и ты есть! Старушка одобрительно кивнула и, погладив малыша по голове, после слова «засыпай» продолжила свой рассказ.

— Ну, так вот…

Старушка Марфа отозвала Ваню в сторону и, понизив голос до шёпота, сказала: — Слышала я, — произнесла она, — что в эту ночь, самую длинную в году, Лунный остров покажется у дальнего мыса. Кто ступит на его берег — увидит свои заветные мечты наяву. Но дорога туда исполнена испытаний: придётся пройти сквозь туманную чащу, переправиться через реку, что течёт вспять, и не дать теням — тем самым шептунам страха — завладеть твоей смелостью.

— А если я устану и захочу назад? — спросил Ваня.

— Страх не гонится за человеком, — улыбнулась Марфа. — Он стоит на месте и ждёт, когда ты сам остановишься. Иди ровно, как несёшь воду в коромысле, — и дойдёшь.

Ваня слушал, затаив дыхание, и в груди его поднималась та самая тихая решимость, которую не могли погасить ни упрёки стариков, ни холодные рассуждения разума. Ночь полнолуния настала незаметно: деревушка притихла, словно боялась нарушить ход волшебства, и только берёзы шептались над крышами, отбрасывая длинные дрожащие тени. Он собрался ещё затемно — взял с собой узелок с хлебом, маленький нож да верёвку, которую Марфа велела не развязывать до самой переправы. Перед уходом знахарка перекрестила его ладонью, будто вычерчивая в воздухе невидимый круг.

— Иди, — сказала она. — Но помни: страх говорит голосом твоих собственных сомнений. Удерживай сердце ровно, как держат огонь в ветреную ночь.

Когда Лунный остров наконец показался у дальнего мыса, это было не похоже на землю, которую можно измерить шагами. Сначала Ваня увидел лишь тонкую светлую полоску на горизонте — будто луна оставила след на воде. Затем полоска дрогнула, развернулась в полукруг берега, а над ним поднялись тени — мягкие, серебристые, как иней на ресницах. Туманная чаща встретила его шёпотом: то ли ветер касался листьев, то ли сами слова пытались стать поводом для отступления. Ваня слышал, как где-то рядом кто-то зовёт его назад, суля, что «можно просто смотреть», что «мечты и так придут». Он крепче сжал узелок и, не отвечая, шагал вперёд, считая вдохи: один — два — три, пока туман не стал плотнее и холоднее, как вода перед купанием. Вдалеке показалась река, но течение в ней шло не так, как должно. Вода, вращаясь, поднималась кверху, и пена бежала против времени, оставляя за собой следы, которые меркли прямо у ног.

А из самой гущи воды доносился тихий, тёплый, почти домашний шёпот: «Не надо никуда идти. Здесь тепло, здесь печь, здесь всё уже хорошо». Ваня на миг замер — и тут же понял: это не река зовёт его назад. Это шептуны примеряют его усталость, будто рубашку. Он

шагнул дальше, и шёпот стих. Марфа предупреждала: переправа через реку, что течёт вспять, требует не силы, а доверия к собственным шагам.

Ваня привязал верёвку к камню, ступил на скользкую кромку и почувствовал, будто земля под ногами на мгновение поменялась местами с небом. Но едва он сделал половину пути, тени — шептуны страха — вырвались из тумана. Они не были страшными лицами, наоборот: в каждой тени угадывалось то, чего Ваня больше всего боялся потерять, — тёплое слово матери, одобрительный взгляд отца, простую жизнь без вопросов. Тени шевелились, складывались в образы и пытались вложить в него сомнение, чтобы он остановился. Ваня поднял голову и посмотрел на отражение луны в воде. Серебро дрожало, но не ломалось.

— Я иду за мечтой, — произнёс он тихо, но твёрдо. — А мечта не исчезнет, если я не отступлю.

Шептуны заскрипели, будто ломают ветку в мороз, и отступили. Верёвка на его ладонях вдруг стала теплее, будто напоминала: выбор уже сделан. Ваня дошёл до другого берега, и туман, словно узнав его след, расступился. Перед ним открылась дорожка, вымощенная светлыми камнями; каждый из них отражал не только луну, но и то, о чём он мечтал тайком. На одном камне он видел себя взрослым — строящим дом, в котором смеются дети. На другом — стоящим на высокой ладье и слушающим, как вода рассказывает тайны далёких морей. На третьем — как он бережно держит книгу, которая сама оживает буквами, стоит к ней прикоснуться.

И всё это было не просто видением. Стоило Ване сделать шаг по дорожке, как свет на камнях становился всё яснее, а в воздухе появлялся едва уловимый аромат — будто от белых цветов, растущих только под звёздами. В этот миг он понял: Лунный остров не обещает чудо само по себе. Он показывает путь тем, кто готов пройти его собственными руками. Ваня пошёл к серебрящемуся берегу, где ожидал следующий знак. Дорожка не дрожала и не спешила — будто время на ней было мягче, чем в обычных мирах. Ваня шагал осторожно, чтобы не сбить ровное сияние камней, и всё сильнее чувствовал, как внутри становится светло, хотя холодный воздух острова по-прежнему обнимал его за плечи.

На ближайшем повороте свет внезапно оборвался, и вместо камней под ногами появилась вода — тонкая, как стекло, но не скользкая. В ней отражались небо и луна, однако в отражении луна была не одна: рядом с ней плыла вторая, едва заметная, будто запоздавшая. Ваня наклонился — и увидел в глубине не своё лицо, а дверь. Не деревянная и не железная, а сотканная из лунного света и тумана, с узором, похожим на круги годовых колец берёзы.

— Так вот где хранится тишина, — прошептал он, хотя никто не учил его говорить с местами, которые слушают.

Едва он коснулся воды, она стала гладким зеркалом и подалась, открывая проход. Изнутри донёсся слабый звон, словно кто-то встряхивал серебряные колокольчики. Ваня вошёл — и оказался в небольшом зале без стен, где по кругу росли высокие травы. Они не шелестели: травы будто дышали. Посередине стоял каменный стол, а над ним на тонких нитях висел маленький фонарь. Фонарь не горел, но светился так, будто в нём поселилась сама луна, собранная в каплю. Рядом с фонарём лежала вещь, которую Ваня сначала принял за простую книгу. Стоило ему протянуть руку, как книга раскрылась без прикосновения — страницы вспыхнули лунным письмом. И Ваня увидел строки, сложенные из того, о чём он никогда не рассказывал никому: о чём мечтал, засыпая; что искал в высоте; какие ответы хотел получить, чтобы больше не спрашивать.

Но едва он прочёл первую строку, как в углу зала шевельнулась тень. Она не была шептуном страха — она была тенью выбора. Ваня почувствовал это сразу: она не тянула к нему страхи, не обещала сомнений. Вместо этого тень показывала другое: как его мечта станет тяжёлой, если он возьмёт её слишком жадно. Будто Лунный остров предупреждал: желание без меры превращается в цепь.

Ваня поднял взгляд на фонарь. Его свет казался спокойным, но в нём жило трудное равновесие. Он понял: дорога не заканчивается у берега, а испытания даны не для того, чтобы наградить, — они учат держать найденное.

— Я не хочу забрать мечту, — сказал он вслух. — Я хочу понять её. И жить так, чтобы она не мешала другим.

Тень словно отступила, разжалась и стала тоньше, как дым, рассеявшийся от тёплого дыхания. Ваня открыл книгу шире — и вместо тайных образов увидел простые слова, будто написанные рукой самого времени: «Мечта требует дела». В ту же секунду фонарь дрогнул, и из него выпала светлая искорка праха, которая легла на ладонь Вани. Прах не жёг и не щипал — он согревал, как ладонь старушки Марфы в самый лютый мороз. И от этого тепла в голове Вани сложилась новая мысль: он не должен просто вернуться с чудом. Ему предстоит принести острову ответ — тот, что изменит деревушку не чудом, а трудом.

Когда искорка потемнела до обычного серого пепла, дверь из лунного света снова проявилась в воде. Ваня сделал шаг назад — и прошёл сквозь её тонкую грань, будто сквозь лист тетради. Травы без стен исчезли, звон затих, а он оказался на знакомой стороне озера, где туман отступал к лесу.

Небо ещё держало полную луну, но её серебро будто стало мягче. Ваня оглянулся — Лунный остров не исчезал стремительно: он словно давал время запомнить путь. Вдалеке в тёмных кронах снова шептались берёзы, и Ваня впервые услышал в этом шёпоте не предупреждение, а благодарность. Он пошёл к деревушке. Шаги звучали увереннее, а в руках он невидимо ощущал тяжесть — не книги и не фонаря, а обещания, которое нужно выполнить, даже если завтра придётся снова слушать стариков и терпеливо рубить дрова. Потому что теперь он знал: Лунный остров не прячет мечты — он учит, как их выращивать.

Когда Ваня добрался до края лесной чащи, туман уже почти исчез, и дорога стала видимой — не потому, что свет усилился, а потому, что в голове у него прояснилось. Он шёл, прислушиваясь к каждому шороху, но шептунов страха больше не было. Лес, казалось, проверял не смелость — он проверял, сможет ли человек не потерять найденное по пути домой. У деревушки всё было по-прежнему тихо: окна тёмные, крыши присыпаны светлой пылью лунного света, будто ночь нарочно пригладила следы своих шагов. Значит, время здесь по-прежнему бережно держало границу. Дома его ждали не удивлённые вопросы, а простая усталость. Ваня пробрался в дом Марфы осторожно, боясь потревожить сон, который мог оказаться последним перед обычным рассветом, хотя знал, что она ждёт его.

Старуха Марфа сидела у печи, словно и не уходила никуда. Её глаза были спокойны, но в них светилось то самое знание, которое не нуждается в объяснениях. Увидев мальчика, она кивнула:

— Ну что ж. Остров не держит тех, кто возвращается за тем, что можно съесть. Он держит тех, кто возвращается за тем, что надо посадить.

Ваня рассказал ей всё, что мог рассказать: про дверь из лунного света, про книгу, про фонарь, про слова «мечта требует дела». И чем больше он говорил, тем легче становилось на душе, будто каждое верное слово снимало с него невидимую усталость пути.

Марфа задумчиво провела пальцем по краю чашки.

— Слова — это начало, — произнесла она наконец. — Но дело острова не в чуде, а в том, чтобы мир вокруг стал чуть честнее. Ты хочешь принести пользу?

— Я хочу, — твёрдо сказал Ваня. — У нас в деревне люди часто боятся перемен. Старики ругают вопросы. А если мечта требует дела… значит, я должен начать с простого, чтобы все увидели: мечта не мешает жить, она помогает.

Бабушка поднялась, подошла к столу и достала тонкую дощечку, покрытую знаками, похожими на следы от влажных пальцев по стеклу. Такую в деревне не видел никто.

— Тогда слушай, — сказала она. — Сегодня, пока полная луна не ушла совсем, ты должен сделать три вещи. Не для острова — для людей. Первое: помири тех, кто давно спорит. Второе: научи кого-то тому, что умеешь сам. Третье: открой пространство для вопросов — такое место, где страх не будет хозяином.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.